

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО ВУЗОВСКОГО ФИЛОСОФСКОГО КУРСА

КУЛИКОВА О.Б., канд. филос. наук

Предлагается вариант построения одной из важнейших тем вузовского курса философии. Обосновывается необходимость постановки проблемы сознания не только в качестве самостоятельного раздела философского знания, но и как системообразующей в рамках всего курса. Дается характеристика отдельным философским школам, которые могут служить концептуальной основой данной проблемы, обеспечив ее многогранное рассмотрение.

Вузовский курс философии за последние десять-пятнадцать лет претерпел существенные изменения, главной линией которых стало преодоление его излишней идеологизированности и политизированности. Трудность содержательной перестройки курса состояла в решении двуединой задачи: достижения его смысловой целостности и сохранения всей полноты проблематики. Вместо идеологических оснований такой целостности необходимо было найти основания иного характера. Их поиск регламентировался государственными образовательными стандартами, но последние определяли тематическое построение дисциплины в целом: обзор исторических этапов и традиций в развитии философских идей, перечень основных разделов и ключевых понятий систематического курса.

При этом в научно-познавательной деятельности в конце XX в. все большее значение приобретают установки, обусловленные развитием междисциплинарных отраслей, таких, как синергетика, и других теорий самоорганизации. Они приобретают парадигмальное значение для научного познания в целом, а также и для других способов постижения мира, включая философию. Синергетика способствовала утверждению нового представления о роли человека как источника самоорганизации природных систем, а также связанного с этим представления о концептуализации как важнейшем мыслительном акте, лежащем в основе отношений человека с миром, в том числе познавательных. Как справедливо подчеркнули создатели указанной отрасли познания, «что бы мы ни называли реальностью, она открывается нам только в процессе активного построения, в котором мы участвуем»¹. Речь идет о построениях разума интерпретационного характера. Такие построения перестали оцениваться как ненаучные, поскольку вошли в содержание понятия объективности. И более того, такие построения, как показала вся история науки, обеспечивали продуктивность научному познанию.

Попытки придать философскому курсу смысловую целостность выражались по-разному. Во многих учебниках и учебных пособиях 90-х гг. приоритетными стали историко-философские главы². Через историю философских идей, через демонстрацию их преемственности можно достаточно выразительно показать смысловое единство дисциплины. Но при этом через разделы систематического (собственно теоретического) курса не удавалось на должном уровне обеспечить концептуальное единство. Решение такой задачи лежит, скорее всего, в особой плоскости. Такое единство становится возможным через построение некоторой авторской концепции, демонстрацию заинтересованной позиции, через раскрытие специфических механизмов и творческих приемов, которыми пользуется автор учебника (преподаватель) в постановке и решении «вечных» проблем философии.

На рубеже прошлого и нынешнего столетий стало появляться множество подобных авторских учебников, в которых в самых разных вариантах реализуется установка на концептуальное единство курса. Как справедливо подчеркивает профессор Л.А. Микешина, в издаваемых за последние годы учебниках все более «проявляется самостоятельность в трактовке идей и оценок, реализуется вариативность, преодолевается господство одной доктрины»³.

По-разному в современных российских учебниках складывается судьба некоторых значимых философских проблем, и также многообразно выражается идейное единство систематического курса. Есть авторы, которые, например, достигают концептуальной целостности за счет того, что предельно реализуют установку на обоснование тезиса о научности философии⁴. Другие строят систематический курс как развертывание в разных отношениях антропологических установок⁵. Этот многообразный опыт чрезвычайно интересен.

Однако некоторые авторы, особенно в 90-е гг., в попытках творческого переосмысления традиционных философских проблем демонстрировали иногда полный отказ от рассмотрения отдельных из них. Это относится в первую очередь к разделу «Сознание».

Как известно, ранее, т.е. в системе марксистско-ленинской философии, на связанную с этой темой проблематику была возложена значительная идеологическая нагрузка. Видимо, для того чтобы преодолеть зависимость от прежних идеологических ориентиров, многие авторы вузовских учебников 90-х гг. вовсе отказались от рассмотрения темы «Сознание» в самостоятельном разделе. По не впол-

не ясным причинам данная тема была обойдена и в принятом в 1994 г. обязательном минимуме содержания цикла «Общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины» (раздел «Философия»), на который опирались преподаватели и авторы учебников.

Конечно, невозможно было полностью отказаться от понятия «сознание» в анализе многих философских вопросов, поэтому оно часто стало вводиться как некая данность без специального определения – видимо, в расчете на то, что его общий смысл вполне угадывается сам по себе. Как правило, отдельные аспекты проблемы сознания включались в разделы «Гносеология», «Человек» или появившийся в 90-е гг. – «Философская антропология», а иногда как вспомогательные – в раздел «Онтология», и также практически без специального рассмотрения.

Некоторую паузу в рассмотрении собственно проблем сознания в систематическом курсе философии, наверное, можно расценивать как начало процесса деидеологизации преподавания дисциплины, а точнее – как необходимый этап переосмысления многих мировоззренческих установок.

В учебниках наступившего XXI в. теме «Сознание» начинает уделяться должное внимание. Их авторы пытаются не повторять некоторые догматы марксистской теории отражения, но в целом не предлагают принципиально новой или существенно модифицированной модели сознания. По-прежнему в различных вариантах просматривается отражательная его сущность⁶. Рамки представленной работы не позволяют подробно остановиться на серьезном критическом анализе теории отражения как объясняющей позиции в решении проблемы сознания, точнее, на ее недостаточности в этом плане. Однако следует тем не менее отметить, что обнаруживаемое в учебниках стремление укрепить позиции указанной теории через поиск уточняющих эпитетов к термину «отражение» (например: избирательное, творческое, информационное) не может, как представляется, существенно ее улучшить. В любом случае в центре остается все-таки понятие отражения, а значит, самое значимое в свойствах сознания остается за рамками объяснения.

Другое дело, что трудно найти позицию, равноценную указанной теории по своей фундаментальности. Данная теория позволяет довольно убедительно совмещать онтологический и гносеологический аспекты проблемы. Правда, в рамках такой «фундаментальности» феномены сознания и познания по сути отождествляются.

Тема «Сознание», как представляется, имеет высокий философский статус, выполняет системообразующие функции по отношению не только к гносеологическим, онтологическим и антропологическим, но и многим социально-философским и культурологическим проблемам. Очевидно, что нельзя рассуждать о человеческой духовности, не исследовав, не раскрыв основания, источника, производящего духовность. Точно так же нельзя рассматривать возможности, структуру и сущность познавательной деятельности человека, не уяснив специфики инструмента познания, и абсолютно нельзя без такого уяснения решить проблему сущности самого человека. Именно анализ сознания открывает, в свою очередь, путь к интегральной характеристике человека как существа, соединяющего в себе телесное и духовное, а также биологическое и социальное начала.

Проблемы сознания не могут считаться лишь аспектом других ключевых тем, а должны выделяться в самостоятельный раздел, в самостоятельную отрасль философского знания, заслуживающую названия «Философия сознания». И к проблемам этим, как думается, уместнее обращаться в самом начале курса, сразу за постановкой вводных проблем (и может быть, следом за историко-философским обзором). Такое место темы «Сознание» определяется, прежде всего, ее особой актуальностью – в связи с необходимостью преодолеть чрезмерные объективизм и онтологизм прежней («единственно научной») философской парадигмы. Связано это и с современными философскими поисками того, что можно было бы назвать факторами становления индивидуальности.

Здесь хочется отметить появление учебника, в котором раздел «Сознание» занимает, как представляется, оптимальное положение – следует за вводным разделом, но при этом все же не выступает действительным концептуальным центром для постановки других проблем⁷. Видимо, это объясняется тем, что такой учебник является результатом хотя и весьма интересной авторской деятельности, но деятельности довольно большого коллектива. В нем соединились различные теоретические подходы.

Учитывая уже отмеченное выше значение проблем сознания в системе философии, важно не столько соотнести их с другими проблемами, сколько внутри самого раздела «Сознание» преломить их, а также обозначить в нем то, что придаст концептуальное единство всему остальному материалу.

Изначальный акцент в изучении курса на бытийную значимость для человека духовных явлений дает возможность избежать часто возникающего у студентов представления о философии как дублирующей естествознание или обществознание дисциплине. Ведь очень часто онтология в некоторых авторских решениях предстает как подведение итогов развития наук о природе, преимущественно физики (например, в учебнике П.В. Алексеева и А.В. Панина).

Важно обратить внимание на то, что представление о бытии мира самого по себе возникает в связи с некоторой установкой сознания, в ключе определенных духовных исканий человечества и в известных культурно-исторических условиях. То есть онтология не может появиться как обобщение

знаний о мире как таковом, а выступает некой интеллектуальной моделью среди других возможных моделей, продуктом духовного творчества человека конкретной эпохи, создавшего соответствующие образцы мышления. Это позволяет разрушить представление о философии как о системе, отвлеченной от конкретных проблем человеческого существования.

Философское решение проблемы сознания означает, прежде всего, определение и описание его как феномена, имеющего специфику по отношению ко всем иным феноменам бытия, обладающего уникальностью во всей структуре мировых связей. Здесь важно избегать углубления явлений человеческой психики в сторону естественнонаучной детализации или в сторону социологизаторской их интерпретации, а также и в сторону объяснения и описания их посредством художественных метафор.

В начале раздела целесообразно, как это делается традиционно, охарактеризовать предпосылки формирования сознания в фило- и онтогенезе, а точнее, рассмотреть комплекс проблем, связанных с особенностями природных и социальных связей, которые обуславливают становление и развитие человека. Думается, что идейной и методологической основой для этого являются учения представителей философско-антропологической школы.

Конечно, обращение к ним в данном отношении не предполагает всестороннего разбора учений философской антропологии самих по себе. Здесь, применительно к теме «Сознание», необходимо в первую очередь показать круг основных антропологических проблем, которые позволяют увидеть, в чем именно состоит уникальность человеческого существа, концентрированным выражением которой и выступает сознание. Обращение к этим проблемам позволит, как думается, преодолеть одномерность в понимании сознания, свойственную теории отражения, да и не только ей, а также и концепциям с трансценденталистской и космологической ориентациями.

Принципы антропологической школы, которые обнаруживают родство со многими значимыми философскими системами (системами И. Канта, создателей философии жизни, неокантианцев (Э. Кассирера), З. Фрейда и неофрейдистов, представителей экзистенциализма и др.), воплотились, как известно, в учениях М. Шелера, Г. Плеснера, А. Гелена и некоторых других, преимущественно немецких мыслителей начала XX в. В философии этого времени именно они обосновали самостоятельный статус антропологии как раздела философского познания и знания, выведя данный раздел из-под давления со стороны онтологии и гносеологии. Они показали, что единая теория человека имеет свои акценты, обусловленные внеприродностью и конечностью человеческого бытия, бесконечностью (многомерностью) и уникальностью человеческого духовного мира. Эти мыслители представили образцы постановки собственно антропологических проблем, которые, в свою очередь, не могут не быть действительной концептуальной основой философии сознания, несмотря на все различия указанных учений.

Как известно, М. Шелер подчеркивал примат чувственности над другими способностями человеческого духа, выводя из этой способности стремление человека к идеалу, его духовное самотрансцендирование, творческие порывы. Шелеровская позиция обеспечивает выход на осмысление важнейшей способности сознания – дистанцированности от мира, а также и самодистанцированности. В этом плане заслуживает внимания и позиция Э. Ротхакера, который представляет человека как существо, способное через свои интересы высвечивать из хаоса внешнего мира некие феномены-смыслы.

Теория эксцентрического человека Г. Плеснера также обладает идейной и методологической значимостью в построении философии сознания. В соответствии с ней возможно описывать и определять истоки принципиальной неравновесности и неисчерпаемости человеческого существа, а значит, попытаться понять причины многомерности и одновременно качественной устойчивости человеческого духа, роль социально-исторических условий в активизации определенных его свойств.

Особенный интерес представляет концепция А. Гелена и, прежде всего, утверждаемый им тезис о незавершенности человеческой природы, о признании человека «неустановившимся» существом, «потерявшим» свое место в природе (экологическую нишу), что определяет его активно-деятельное отношение к миру. Данная установка позволяет выстроить интегральную концепцию сознания, в которой обосновывается неразрывность всех факторов его формирования.

Тесно к школе антропологов примыкает учение М. Бубера, который считается и представителем экзистенциализма. Его идеи, изложенные в работах с весьма характерными названиями: «Я и Ты», «Проблема человека», «Основы межчеловеческого», также обладают высокой смысловой продуктивностью в плане построения концепции сознания. Прежде всего, имеется в виду обращение к важнейшей потребности и способности человека «вживаться» в другого, что обуславливает проявляющуюся во всем диалогичность человеческого сознания. Причем можно отметить, что это есть продолжение особой традиции, ярко выраженной, например, в работах Л. Фейербаха.

Большое значение в системе рассматриваемых проблем имеет анализ взаимовлияния сознательного и бессознательного уровней человеческой психики. В этом аспекте нельзя, конечно, обойтись без обращения к концепции фрейдизма, но при этом следует избегать его биологизаторских крайностей. Причем необходимо вначале дать понятие психики как образования, присущего и человеку и животным, как предпосылки возникновения сознания. Определение это должно вписаться в общее смысловое построение и должно обрести именно философское, а не естественнонаучное

содержание. И таким образом психика предстанет оперативной, гибкой системой, опосредующей действие более жесткой генетической программы животного в меняющихся условиях внешней среды.

Рассматривая проблему сущности сознания, важно дать характеристику основных подходов в ее постановке и решении, показав, что каждый из них важен как аспект в описании этого сложного феномена. Обзор теоретических позиций позволит показать, что сознание не может быть редуцировано к какому-либо одному его свойству, к одной функции, но при этом не может быть в абсолютной оппозиции к материальному миру.

Свойственную философии марксизма (особенно советской эпохи) постановку проблемы сознания как психофизической проблемы, проблемы соотношения его с материей, видимо, следует оценить как абстрактную, имеющую весьма определенный смысл только в рамках онтологической проблематики. Корректно, конечно же, ставить вопрос о соотношении не сознания и материи, а идеального и материального, что не одно и то же. И идеальное в этом случае есть выражение способности сознания производить особые явления.

Следует особо отметить, что само понятие сознания входит в лексикон философии в XVII в. с подачи английских эмпириков, подчеркивавших в нем рефлексивные свойства человеческой индивидуальности. В другой традиции новоевропейской философии – традиции Декарта – подчеркивается субстанциальность идеального (духовного), но оно не совпадает с феноменом человеческого сознания. Переосмыслив декартовское решение, строит свою концепцию Б. Спиноза: он также имеет в виду не сознание как таковое, а специфику духовных (мыслительных) явлений.

Таким образом, в марксистской философии обнаруживается объединение двух, возникших на разных основаниях, философских традиций нового времени. В итоге излишне онтологизированная трактовка сознания не позволяла рассматривать его как живое и творческое начало.

Важно учитывать то, что сознание, как любой феномен, имеющий социальное происхождение, обладает исторической изменчивостью, то есть можно говорить о том, что в разные эпохи его свойства по-разному актуализируются. И это не может не учитываться в различных вариантах его философского осмысления. Но в целом все же философия сознания строится как развертывание ключевой мировоззренческой позиции автора с учетом его принадлежности к материалистической или идеалистической линии.

Анализ особенностей самого сознания следует построить на сопоставлении его телесно-материальной и социальной обусловленности, и одновременно подчеркивая его идеальность. Проявляя себя в деятельности и являясь продуктом социальных связей, с одной стороны, сознание выступает особым органом тела с определенным физиологическим назначением, а с другой стороны, оно не обладает характеристиками (например, пространственно-временными) материальных тел. Кроме того, сознание способно быть опредмеченным в вещах, символах, социальных связях и процессах, создавая особый жизненный мир, что и является центром внимания антропологических учений.

С учетом всего сказанного сознание можно представить как функцию самопостроения и самопреобразования человека, а через последнего – и как функцию самопреобразования природы в целом, безотносительно к какому бы то ни было заранее заданному результату. Именно такой вывод представляется естественным в соответствии с огромным концептуальным потенциалом различных философских школ.

Все выше сказанное относится к обоснованию единства проблем философии сознания, онтологических и антропологических проблем. Но еще более явными представляются связи философии сознания и гносеологии. Точнее было бы сказать так: сознание чаще всего рассматривалось через призму гносеологической проблематики или наоборот. Философия сознания обладает большим потенциалом универсальности, по сравнению с проблематикой познания. Даже И. Кант, создавший образец учения на базе именно теории познания, вынужден был вводить дополнительные основания (например, разведение теоретического и практического разума) для построения целостной концепции человека. Кантовский субъект познания, при всем нравственном пафосе автора, все-таки обезличен, он лишен многих «параметров» живущего в реальном времени индивида. Сознание кантовского субъекта (по сути оно – коллективное сознание) особенно на уровне рассудка и разума предстает через то, что обозначается априорными формами, как некое поле с едиными силовыми линиями, не дающими вырваться в иные виды фундаментальных взаимодействий.

Выход на проблемы гносеологии в концептуальной связи с философией сознания (с учетом уже обозначенного ее построения) позволит «вдохнуть жизнь» в субъекта познания и придать ему индивидуальность и включенность в конкретную эпоху.

Гносеологическая составляющая в философии сознания часто кажется преобладающей над всеми остальными. Если иметь в виду количественное соотношение операций, совершаемых сознанием, то, наверное, стоит с таким представлением согласиться. Но здесь надо учитывать все богатство способностей человека, которые сознание «умеет» задействовать и организовать для получения знаний, а также то, что оно способно выстроить их в индивидуально неповторимом виде, причем нацеленном на многообразное преломление в разных ситуациях. И это, конечно, далеко не все возможности и функции сознания. Таким образом, в качественном отношении, в отношении жизненной зна-

чимости, среди всех способов активности сознания познавательная активность лишь одна из ряда основных.

Что же концептуально обеспечивает проблематика философии сознания для гносеологии? Как известно, раздел «Теория познания», или «Гносеология» (иногда «Когнитология»), не подвергался исключению из курса философии, как это было с разделом «Сознание». Но определенный пересмотр его все же происходит. Наиболее существенным вкладом не только в построение по-новому гносеологической проблематики, но и в развитие методологии ее осмысления является монография Л.А. Микешиной «Философия познания. Полемические главы»⁸.

Автор данного исследования обосновывает необходимость отказа от исчерпавшего себя наивно-реалистического подхода в трактовке познания, который опирается на представление о познании как отражении и копировании. Профессор Л.А. Микешина исходит из продуктивной посылки, что теория познания, а вместе с ней и абстракция «человек познающий» «должны иметь непосредственное отношение к реальному, «живому» познанию, что предполагает обращение к другим понятиям, подходам, опыту которых накоплен в герменевтике, философии жизни, экзистенциализме и философской антропологии»⁹. Синтез когнитивных практик, который реализован автором в монографии, позволил увидеть в познавательном процессе значительно большее, чем просто поиск и накопление знаний, увидеть его как живое человеческое познание. Л.А. Микешина усматривает в познании по меньшей мере четыре основных грани (основные операции): отражение, интерпретацию, конвенцию, репрезентацию.

Интегральная гносеологическая концепция Л.А. Микешиной, как думается, дает возможность построить смысловые связи с представленной в данной статье концепцией философии сознания. Через призму последней возможно увидеть то, что лежит в основе многогранности (многослойности) познавательного процесса. Сознание, понимаемое как функция самопостроения и самопреобразования человека, и одновременно функция самопреобразования природы, главной линией своей активности имеет поиск (непрерывное открытие, отбор через оценку, удержание, присвоение) способов, или точнее, моделей самопостроения. Информационную сторону такого поиска и составляет познание. Получаемое знание предстает, таким образом, не просто некоторым результатом, отобранным из множества вариантов, а инструментом и стимулом к дальнейшему поиску.

Кроме того, в самом процессе поиска указанные выше грани, обозначаемые понятиями отражения, конвенции, репрезентации, интерпретации, выступают продолжением (модусами) важнейших свойств-функций сознания. Здесь можно назвать такие свойства сознания, как перцептивность и интенциональность, коммуникативность и социокультурную обусловленность, рациональность и эмоциональность, упорядоченность в конкретно-образной и вербально-понятийной формах, телеоцентричность и аксиоцентричность, рефлексивность и эгоцентричность, а также многие другие.

Постановка проблем сознания как системообразующих в курсе философии обеспечит и понимание специфики последней по отношению к другим дисциплинам и уяснение важности ее изучения. Это позволит увидеть человека существом с безграничными творческими возможностями, осмыслить свои собственные «инструменты» жизнедеятельности, а значит, и стремиться овладеть ими.

Примечания

¹ **Пригожин И., Стенгерс И.** Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. Пер. с англ., 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 258.

² **Шаповалов В.Ф.** Основы философии. От классики к современности: Учеб. пособие для вузов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.

³ **Микешина Л.А.** Образ философии в современных российских учебниках // Современное философское образование: содержание, структура и методы преподавания философских дисциплин. Материалы Межвузовской научно-методической конференции. Иваново, 30 сентября – 1 октября 1999 г. – Иваново, 2000. – С. 3.

⁴ **Алексеев П.В., Панин А.В.** Философия: Учебник. Изд. второе. – М.: «Проспект», 1997.

⁵ **Гуревич П.С.** Основы философии: Учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2000.

⁶ **Бучило Н.Ф., Чумаков А.Н.** Философия: Учеб. пособие – М.: ПЕРСЭ, 2003; Введение в философию: Учеб. пособие для вузов / Авт. коллектив: Фролов И.Т. и др. – 3-е изд., перераб. и дополн. – М.: Республика, 2004; **Голубинцев В.О., Данцев А.А., Любченко В.С.** Философия для технических вузов. Серия «Высшее образование». – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 2003; **Кармин А.С., Бернацкий Г.Г.** Философия: Учеб. пособие. – С-Пб: Изд-во ДНК, 2001; и др. издания.

⁷ **Философия:** Учеб. / Под ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина. – 2-е изд., переработанное и дополненное. – М.: Академический проект; Трикста, 2004.

⁸ **Микешина Л.А.** Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002.

⁹ Там же. – С. 49.